

Памяць пра вайну, дзяцінства неадступна крочыць за Анатолям Сербантовічам. Вызначаны асаблівым лейтматывам вобраз міннага поля-памяці паэт цяпер разгортвае, карыстаючыся чыста рамантычнымі стылявымі сродкамі, і ў “ваенных” вянках санетаў са зборніка “Пярсцёнак”. Самі іх назвы сталіся скразнымі вобразамі-дэталямі – “Курганы”, “Салдат”. Паэтам захоўваецца традыцыйная форма гэтага жанру, але па ідэйным гучанні, вобразных сродках, адначасова трагічным і адычным гучанні гэтыя творы, можна сказаць з упэўненасцю, маюць усе адзнакі паэм ліра-філасофскага складу.

Вянок санетаў “Салдат” раскрывае філасофскую праблему “жыцця і смерці”, зачынам яго сталі радкі, поўныя трагічнага гучання: “У жоўтых мыліц – раўнамерны стук. // Яны скрыпяць пад пахамі і гнуцца” [3, 135], якімі А.Сербантовіч вельмі ёміста, лаканічна абмалёўвае маштаб ваеннай трагедыі, боль яе наступстваў. Сюжэт твора нескладаны: салдат з вайны вяртаецца дадому. Па дарозе ён дапамагае ўсім, каго сустракае. Гэта і вяртае яго да жыцця, бо “чалавек – таму і чалавек, // Што сонца у крыві яго цячэ” [3, 142] і што ён патрэбны на зямлі, каб сеяць і расціць сады. Філасафічнасць твору надаюць лірычныя адступленні, тонка абмаляваны псіхалагічны стан героя (яго непакоіць пытанне: “Каму заваяваў ён жыць правы” [3, 137]). Перамога жыцця над смерцю – асноўная ідэя твора – гучыць у апошніх радках вянка санетаў.

У вянках санетаў раскрылася яшчэ адна рыса таленту аўтара – уменне паймаць карыстацца цвёрдымі вершаванымі формамі. Адзначым і ўдалае, падобнае Купалаваму, выкарыстанне паэтам мастацкай дэталі, трапны падбор сродкаў паэтычнай выразнасці. Настрой вянка санетаў “Курганы”, да прыкладу, задаецца адразу разгорнутым параўнаннем-дэталлю: “У курганоў ёсць нешта ад званоў, // З якіх навывывалі языкі, // Але іх звон прарэзлівы такі, // Што я вачэй якую ноч не звёў” [3, 62].

Па-мастацку падабраны эпітэт “прарэзлівы” ў дадзеным выпадку на ўзроўні мастацкай дэталі перадае трагедыі настрой героя-аўтара. Мастацкае параўнанне палаючых гарадоў з рыбамі, выцягнутымі з вады, выразна падкрэслівае несумяшчальнасць вайны з чалавечым жыццём. Гэтая ідэя стала адной з цэнтральных сэнсавых асноў гуманістычнага погляду Анатоля Сербантовіча.

Заклучэнне. Такім чынам, творчасць Анатоля Сербантовіча як цэласная мастацкая сістэма знаходзіцца ў непарыўнай сувязі з эпохай. Неадпаведнасць слова і справы ў грамадстве выклікалі раздвоенасць душы паэта і яго героя, таму ад першага (“Азбука”) да апошняга (“Пярсцёнак”) зборніка назіраецца нарастанне трагедыйнага пафасу, што непасрэдна адбілася на жанрава-стылявым абліччы яго паэзіі, цэнтральнымі тэмамі якой становіцца грамадзянская і тэма Вялікай Айчыннай вайны і яе маральна-этычнае асэнсаванне з сучасных філасофскіх пазіцый.

Спіс літаратуры

1. Сербантовіч, А. Азбука / А.Сербантовіч. – Мінск: Беларусь, 1966. – 100 с.
2. Сербантовіч, А. Міннае поле / А.Сербантовіч. Вершы. – Мінск: Беларусь, 1968. – 128 с.
3. Сербантовіч, А. Пярсцёнак / А.Сербантовіч. – Мінск: Беларусь, 1971. – 160 с.

РАССКАЗ А. БЕЖЕЦКОГО «ТИФ» В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ XIX ВЕКА

*С.В. Лапунов
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Алексей Николаевич Маслов (литературный псевдоним Бежецкий, 1853–1922) – один из представителей довольно многочисленной группы литераторов рубежа 80–90-х гг. XIX века, относящихся к чеховскому окружению. Среди разнообразного в жанрово-тематическом отношении творческого наследия автора особое место занимают военная проза и публицистика. Военный инженер, автор ряда трудов по истории крепостных войн, участник Хивинской экспедиции 1873 г. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Бежецкий сотрудничал с рядом изданий в качестве военного корреспондента.

Так, в 1887 г. он посылал отчёты с азиатского театра военных действий в газету «Новое Время», затем эти материалы были изданы в третьем томе сочинений В.И. Немировича-Данченко под заглавием «Год войны в Малой Азии» (1877), с тех пор состоял советником этого издания по военным вопросам. Помимо упомянутого цикла, а также сборника «Завоевание Ахал-Теке» (Санкт-Петербург, 1882; 2-е издание, 1887), лучшими из беллетристических произведений Бежецкого на военную тему является сборник рассказов «Военные на войне» (1885). Несмотря на универсальность творческого дарования Бежецкого, его произведения остаются практически вне поля зрения исследователей. Что касается переизданий, то с 1981 г. были напечатаны только три рассказа, входившие в сборник «Военные на войне»: «Сражение», «Испытание волонтеров» [1] и «Тиф» [2].

В предисловии к сборнику «Писатели чеховской поры» внимание обращено на взаимосвязь идейного содержания данного произведения с прозой зрелого Чехова. Поэтому цель статьи – выявить особенности идейно-художественных решений военной прозы А. Бежецкого в контексте традиций русской реалистической военной прозы XIX века – в связи с изложенным выше представляется нам закономерной.

Материал и методы. Для исследования выбран рассказ «Тиф (Эпизод из блокады Эрзерума)» (1855) как один из наиболее любопытных в жанровом отношении. Для реализации поставленной цели выбраны аналитический и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. События русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стали объектом пристального внимания русской литературы и публицистики того времени. Безусловно, «центральным» для русской литературной и общественной мысли являлось освобождение Болгарии, однако боевые действия в Малой Азии не были обойдены вниманием русских писателей и публицистов (корреспонденции В.И. Немировича-Данченко, А. Бежецкого, рассказы И. Щеглова). На форму и содержание рассказа оказывает влияние очерковая традиция, характерная для русской военной прозы XIX века: развернутая экспозиция, подробно описывающая место действия; обширные документально-очерковые вставки, детальное воспроизведение подробностей быта. Многие из этих очерковых вставок повторяют наблюдения, сделанные в очеркистике Бежецкого (цикл «Год войны в Малой Азии»).

В рассказе «Тиф» мы наблюдаем тенденцию, прослеживаемую в целом ряде произведений русской военной прозы второй половины XIX века: перенос акцента с показа войны на изображение будничных отношений людей, находящихся в экстремальных условиях. Однако в отличие от военной прозы предшественников (прежде всего Л.Н. Толстого), исследовавших жизнь в развитии, Бежецкий сосредоточен на изображении *устоявшегося*. Персонажи Бежецкого не испытывают ощущения «текучности» жизни: «Что было вчера, то было и сегодня» [2, с.216.]. «Честолобие в хорошей армии особенно сильно в начале кампании, когда люди еще свежи, и после войны, когда самый главный вопрос, о жизни и смерти, исчезает; оно порождает зависть и служит первым источником вражды» [2, с. 216]. «Война тянется; сегодня убьют одного, завтра ранят другого, и мало-помалу общество полковых офицеров редеет. «Сегодня я остался цел, в следующем деле может быть то же, да наконец и меня шелкнут...» – думает каждый про себя. Эти мысли становятся общи, и, вследствие такого однообразия, все становятся друг другу скучны и даже противны» [2, с. 216]. В подобной психологической атмосфере теряет ценность любое представление о войне как о подвиге. Явная ирония звучит в характеристике, данной повествователем писарю центрального персонажа рассказа капитана Иловлина: «Только раз, когда пришло известие о падении Плевны, он настроился на воинственный лад и написал оду, которая мне неизвестна. Большинство же его стихов имело юмористический оттенок, хотя он писал их с печальным видом...» [2, с. 214–215]. При этом повествователь прекрасно помнит содержание другого стихотворения, абсолютно не вяжущегося с обстановкой войны: «Рыбак роет червячка, / Надевает на крючка, / И потом, что было маху, / В пол-аршина черепаху / Тащит на берег сухой...» [2, с.215].

Безусловно, в создании ощущения абсурдности войны ключевое значение имеет болезнь, название которой вынесено в заглавие рассказа. Тиф у Бежецкого – не просто эпидемия, без разбору уносящая жизни мирных жителей и военных. Это символическое воплощение той силы, по сравнению с которой бессмысленно военное противоборство как таковое. Именно такое признание звучит в рассказе из уст священника отца Андрея:

«Так-то вот и есть, господа вояки! Воюете, воюете, а потом и видите, что мир лучше... Кажется, чего лучше мира и спокойствия, а вы кровь проливаете» [2, с. 230]. Смерть сильнее людей – пускай даже в финале рассказа противники, потрепанные эпидемией, стараются выглядеть один перед другим «в бодром и воинственном виде» [2, с.250]. Если рассматривать финал рассказа в контексте содержания военной прозы современников, то ощущение абсурдности войны сближает «Тиф» с гаршинскими «Четырьмя днями».

Таким образом, данная попытка обращения к особенностям содержания и формы рассказа А.Бежецкого позволяет говорить о воздействии традиций русской реалистической военной прозы XIX века. Впрочем, это лишь усиливает необходимость обращения к рассмотрению особенностей содержания и формы всего цикла «Военные на войне» как в контексте творчества автора, так и с точки зрения усвоения художественного опыта предшественников.

Список литературы

1. Русская военная проза XIX века / Сост.: Е.В.Свиясов. – Л.: Лениздат, 1989. – 527 с.
2. Писатели чеховской поры: Избранные произведения писателей 80 – 90-х годов: В 2-х т. Т.1. / Вступит. статья, сост. и коммент. С.В.Букчина– М.: Худож. лит., 1982. – 463 с.
3. Немирович-Данченко, В.И. Год войны (со включением «Года войны в Малой Азии А.Н.Маслова (Бежецкого)»). Т.III. / В.И. Немирович-Данченко – СПб.: Изд. П.П.Сойкина, 1872. – 200 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОКАТИВОВ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

И.А. Лисова

Витебск, ВГУ имени П.М. Машиерова

В письменной и устной речи встречаются формы имен, представляющие так называемый звательный падеж, который в современном русском языке исследователями как отдельная категория не выделяется. Чаще всего его позиционируют как внесистемный падеж [3, 120]. Антропонимы в данной функции называют **вокативами** (от лат. *vocāre* «звать»). Данные элементы характерны для обращений. «К выявлению факторов, обуславливающих популярность конкретных именовании, обращается почти каждый исследователь локальной онимии» [2, 13]. В свете этого **актуальным** остается вопрос о социолингвистических основаниях появления данных форм личных имен в речи жителей отдельного региона.

Цель исследования – выявить социальные причины использования вокативов в коммуникации жителей Белорусского Поозерья.

Материал и методы. Зафиксировано **100** вокативов, полученных путем сплошной выборки из материалов опроса жителей разных регионов Белорусского Поозерья в 2012–2013 гг. Соотношение мужских и женских вокативов приблизительно равно: **48** и **52** единицы соответственно. **Методы исследования:** анкетирование, структурно-семантический анализ, описательный, элементы статистического метода.

Результаты и их обсуждение. В ономастике вокативные формы необходимо отличать от гипокористических. **Гипокористика** – модификат личного имени, образованный путем усечения одной из частей основы антропонима (*Владислав – Влад, Александр – Саша, Елена – Лена*). **Вокатив** – это звательная форма личного имени, образованная путем замещения материально выраженного окончания на нулевое или заменой нулевого окончания мужских официальных антропонимов на финаль **-а**, используемая в функции обращения.

Наиболее часто в исследуемом материале встречаются вокативы от имен **Артём** (7 ед.): *Артёма, Тём, Юрий* (5 ед.): *Юрась*; **Анна** (8 ед.): *Ань, Виктория* (8 ед.): *Вик, Вилкуль, Елена* (6 ед.): *Лен, Лён, Екатерина* (5 ед.): *Кать, Катюнь, Катюш*. В структурно-семантической классификации вокативов важным является понятие **«модифицированная основа»**. Это производящая основа личного имени, содержащая в своей структуре один